

О стимулировании публикаций в международных изданиях

С.В.Чебанов

Ныне имеющее место в России стимулирование публикаций в международных изданиях определяется стремлением как обеспечить представленность российской науки в мировой науке, так и найти критерии оценки деятельности отдельного учёного. О достоинствах и недостатках такого подхода сказано и написано немало. Однако, такие обсуждения касаются прежде всего технической стороны дела и не затрагивают вопросов принципиальных. Поэтому представляется важным остановиться, прежде всего, на них.

Сутью концепции культуры Ю.М.Лотмана является представление о культуре как среде, в которой существует несколько взаимно непереводимых языков (в широком семиотическом, а не только лингвистическом смысле) и, тем не менее, постоянного осуществляется перевод с одного языка на другой. Такой перевод оказывается заведомо неадекватным, но именно эта неадекватность рассматривается как источник новизны. С этой точки зрения, отсутствие множества относительно равноправно функционирующих как языков, так и культур является источником деградации как соответствующих национальных и региональных культур, так и Мировой культуры в целом. Последнее обстоятельство и имеется в виду, когда говорится о негативных последствиях глобализации.

Сформулированное положение подтверждается тем, что история европейской (и не только европейской) культуры, по крайней мере, последних двух с половиной тысячелетий показывает, что эпохи расцвета национальных культур приходятся на периоды сосуществования в них нескольких языков – языка большого культурного региона (скажем, греческого и латинского для Европы), локального (национального, государственного) языка, местных народных языков и сакрального языка (опять же латинского для Европы, церковнославянского и греческого для православных России, арабского для мусульман и т.д.).

С развиваемой точки зрения можно поставить вопрос о том, что значит «мировой уровень» публикаций? Представляется важным осознать, что «мировой уровень» – это некоторое усреднение уровня, а значит, его понижение относительно выдающихся работ. Выдающиеся же не только исследователи, но складывающиеся вокруг них школы, довольно часто не принимают друг друга, подвергая оппонентов уничтожающей критике. Таковы знаменитые споры Ньютона с Лейбницем в конце XVII – начале XVIII вв. или школы Арнольда с Бурбаки в конце XX – начале XXI вв.

Стремление к публикациям «мирового уровня» заставляет создателей таких направлений превращаться из основателей научных школ (задача которых – *развитие* определенного круга идей) в лидеров научных партий, *защищающих* уже сложившиеся взгляды и стремящихся к удержанию своей власти в научных сообществах. Бесспорно, что составной частью такой научно-политической деятельности является научный бизнес, включающий в себя финансовую деятельность в узком смысле. Очевидно, что до собственно науки в этой ситуации дело доходит в последнюю очередь...

Так или иначе, оказывается, что факт международной публикации в первую очередь является индикатором качества научно-политического, научно-организационного и научно-финансового менеджмента автора статьи или его руководства, а не её научной ценности.

Другой аспект проблемы связан непосредственно с языком публикации будь то публикация внутри страны автора публикации или за её пределами. Здесь возможно несколько принципиально разных ситуаций.

Ситуация первая. Автор пишет на родном языке, которым (если автор не билингв) он владеет заведомо лучше, чем любым другим. Тогда возможно несколько случаев.

1. Родной язык автора не является ни языком международного общения (как английский ныне, французский в XVIII-XIX вв., латынь в Средневековье), ни языком, который обязан знать профессионал (скажем, немецкий для ботаников XIX – начала XX вв). В таком случае работы автора обычно будут доступны только его соотечественникам, за исключением работ, которые могут осуществить переворот в соответствующей области профессиональной деятельности. Так, хотя подавляющее большинство работ химика-органика С.В.Лебедева было опубликовано по-русски, они были широко известны за границей, а Германия даже в условиях войны смогла наладить у себя его технологию производства искусственного каучука. В подобных случаях востребованность работ не зависит от языка их публикации.

Определенные ограничения желательности иноязычных публикаций возникают, когда они посвящены патентоспособным объектам и делаются с целью документального закрепления приоритета не только на изобретение, но и на лежащую в его основе научную идею. Привлекать дополнительное внимание к таким публикациям совсем не желательно. В особенности это относится к областям наиболее передовой и военной техники.

Казалось бы, подобные ситуации можно не обсуждать в рассматриваемом контексте, поскольку стимулирует подобные публикации начальство, которое должно быть в курсе. Однако, расчеты начальства не всегда лишены просчетов и автор может попасть впросак. Так, в 1960-80-ые гг. на международных конгрессах неоднократно бывали конфузы с советскими математиками, которые под видом фундаментальных исследований выдавали косметически переделанные разработки, осуществлённые для решения конкретных прикладных военных задач.

В этом контексте уместно упомянуть, что некоторые работы создаются в сугубо дезориентирующих целях и организация их публикаций направлена на то, чтобы привести в заблуждения конкурентов или противников, подтолкнуть их на следование по ложному пути. Наиболее ярким примером такой дезориентации являются публикации, касающиеся СОВ – звездных войн. Никаких ограничений на публикацию материалов по этой тематике не было ни на каких-либо языках, но все они были сплошными фикциями, поскольку отсутствовали технические и финансовые предпосылки для её реализации. Тем не менее, эта околонучная деятельность имела далекоидущие геополитические последствия, включая распад СССР, не выдержавшего очередной виток гонки вооружения.

2. Родной язык является языком соответствующей области (как, скажем, французский или русский для разных разделов математики в XX веке). Такая ситуация наиболее благоприятна для автора и дает ему дополнительные преимущества по сравнению с теми, для кого этот язык не является родным. Казалось бы, именно такие случаи должны получать наивысшую оценку с точки зрения стимулирования качества научных работ. Однако, если это русский язык, то из-за того, что это язык не иностранный работа рассматривается как худшего качества, чем написанная на иностранном языке. Абсурдность ситуации с точки зрения качества содержания очевидна. В ещё большей мере это очевидно, если речь идет о работе о русском языке, написанной русскоязычным автором на иностранном языке. Удовлетворительным как с точки зрения отчетности, так и смысла будет в этом случае только работа по русистике написанная по-русски, но опубликованная за рубежом.

3. Родной язык не является языком соответствующей области, но наличие крупных специалистов, пользующихся им, создает шанс сделать этот родной язык языком соответствующей предметной области. Так, после того, как вслед за распадом СССР Россия раскрылась для географов всего мира, у русского языка был шанс стать международным языком географии России. Однако, этого не произошло, причем по крайней мере частично, из-за того, что географы переключились на поездки по другим странам мира и описание итогов своей работы на иностранных языках (прежде всего, английском и французском).

Ситуация вторая. Автор пишет на иностранном языке. Сам этот факт амбивалентен. С одной стороны, коль скоро создаётся текст на неродном языке (ситуации билингвизма учтены выше), то какие-то тонкие оттенки смысла могут быть утеряны. С другой стороны, может оказаться, что перевод на другой язык разрушает связи, которые кажутся нерасторжимыми на родном языке, что требует более точного изложения мысли. Так, в русском языке сущность и существование, цель и целостность являются паронимами (что обыгрывается во многих философских текстах), чего нет в европейских языках (Existence – Essence, Ziel «мишень» – heil «целый», wholicity).

При этом также возможно несколько случаев.

1. Если речь идет просто о некоем иностранном языке (был бы только иностранным!), то публикация на нём может даже ухудшить ситуацию по сравнению с ситуацией публикации на родном языке (скажем, вместо русского опубликовать текст по математике на исландском языке или даже текст об исландской культуре на исландском языке в трудах международной конференции по изучению Исландии).

2. Перевод на язык эталонный для данной предметной области (своего рода профессиональный лингва франка) – скажем, итальянский для искусствovedения, французский для математики, немецкий для описательного естествознания и т.д. Каждый такой перевод, с одной стороны, открывает работы автора для иноязычных коллег, а, с другой стороны, еще более укрепляет авторитет той части профессионального сообщества, которая пользуется соответствующим языком. Поэтому такой перевод волей неволей умаляет авторитет профессионального сообщества, пользующегося родным языком автора. Таким образом, отдаленные культурные последствия подобного перевода оказываются довольно сомнительными.

3. Перевод на универсальный язык международного общения (в настоящее время таковым является английский, в прошлом ими были латынь и французский, недавно на такой статус мог претендовать русский, а в будущем может стать китайский или японский). Коммуникативная эффективность такого перевода очевидна. Однако, надо отдавать себе отчет в том, что ориентация на более или менее регулярное использование такого языка означает с той или иной степенью глубины принятия и культурно-политического лидерства соответствующей страны, а, соответственно, и признание зависимого положения всех остальных стран. Поощрение такого перевода, конечно, дает отдельному лицу или организации дополнительные шансы на успех, но в целом только усиливает указанную зависимость. Негативные стороны такой зависимости явно проявились в связи с последствиями нынешней ситуации с Крымом.

В связи с этим уместно рассмотреть альтернативные стратегии публикационной активности.

Во-первых, следует обратить внимание на то, что возвышение той или иной культуры сопряжено с тотальным переводом на язык данной культуры *всего* доступного культурного наследия. Наиболее известным и близким к нам является опыт Японии после Второй мировой войны. В это время на японский переводится практически всё со всех языков, вплоть до перевода стихов Сумарокова или Тредиаковского. Подобным образом расцвету арабской культуры IX-X вв. предшествовал в VIII—IX вв. перевод на арабский язык многочисленных научных и литературных текстов древности – греческих, сирийских, среднеперсидских и индийских, а складывание культуры Древней Руси включало в себя перевод многочисленных греческих (а затем и латинских) текстов – Священного писания, богослужебных книг, требников, сочинений по различным областям знания, литературы развлекательного характера и т.д. Аналогичные культурные последствия имело и формирование во времена Петра I государственной переводческой политики (в XVIII в. в России 90% текстов – переводные), что позволило стать XIX в. «золотым веком перевода» как составляющей Золотого века русской культуры. Точно также массовая переводческая деятельность оказалась сопряжена с расцветом физико-математических и естественных наук и техники в 1940-1980 гг. (включая развитие ядерно-

космических отраслей науки и техники). Отсутствие же такого перевода социально-экономической литературы является одной из составляющих, обусловивших распад СССР.

Следует при этом заметить, что такой тотальный перевод обеспечивает и сохранение достижений народов, интегрируемых в наднациональный суперэтнос (скажем, якутов, ительменов, молдаван, туркмен и т.д., для которых русский язык выступает в роли лингва франка).

На этом фоне вопрос о публикации отечественных авторов в международных изданиях вообще не является важным.

Во-вторых, та или иная национальная культура порождает время от времени уникальные продукты, подобных которым не порождает никакая другая культура. Так, только Древняя Греция породила геометрию как науку об идеальных объектах, задаваемых с использованием аксиоматического метода, только Древний Рим породил право (включая его сведение в 12 таблиц), до сих пор именуемое римским, только в Китае появились сложные публичные социальные процедуры (китайские церемонии, например, чайные) и т.д.

Знакомство и адекватное усвоение таких продуктов происходит с освоением языка той культуры, в которой они созданы, или же их создание происходит сразу на нескольких языках. Последнее характерно для новейшего времени. Так, публикации копенгагенской школы квантовой механики шли на датском, английском и немецком языках, а открытые работы отечественных физиков-ядерщиков публиковались в журналах АН СССР, выходивших до 1947 на русском и иностранных языках (не считая немногочисленные зарубежные публикации ведущих отечественных физиков).

В подобных случаях, если есть заслуживающая уважения отечественная научная школа, то для любого зарубежного исследователя будет считаться весьма почётным публиковаться в трудах этой школы – на родном или на русском языке. При этом, чем больше имеется отечественных публикаций по некоторой тематике, тем более авторитетной становится каждая из них. Последнее обстоятельство указывает на необходимость и важность существования отечественных публикаций и абсурдность отказа от них. Вне всяких сомнений во всех подобных ситуациях имеет место принудительное навязывание достижений отечественных школ мировому сообществу (что вполне согласуется с представлением М.Фуко об истине как результате практики принуждения).

Наконец, в-третьих, возможны ситуации, когда на некотором языке оказывается произведенным и производимым такое количество текстов практически по любым темам (причем текстов представляющих наиболее развитую сеть представлений), что они начинают определять представления о мире и способ говорения о нём большинства соприкасающихся с этим языком народов. Такова ситуация с койне постклассической античности, латынью I в. до н.э. – VI в. н.э. (а также латынью как языком европейской учёности Средневековья и Нового времени), классическим арабским языком, французским языком конца XVII-начала XX вв., английским языком в XX веке. В каждом таком случае автор, пишущий на соответствующем языке, мог (может) не задумываться над тем, поймут ли его иноязычные читатели – если эти читатели не хотят выпасть из соответствующей ойкумены, каждый из них будет обязан выучить необходимый язык.

Важно при этом иметь в виду то, что на указанное положение перечисленных языков могут сильно влиять те или иные события. Так, указанное положение латыни определяется тем, что это был язык государственного управления всей Римской империи (и в этом качестве выступал в роли лингва франка), он же был языком римского права, на него же был осуществлен перевод Библии (Вульгата), которым пользовался западнохристианский мир. Подобным же образом французский язык служил для управления империи, был языком изысканной культуры (включая литературу), языком важнейшего для правовой системы Нового времени Кодекса Наполеона и

«Энциклопедии» Д.Дидро и Ж.Л.д'Аламбера, которая создала сеть категорий, актуальную для европейской культуры вплоть до настоящего времени. Современному статусу английского языка способствовала его роль лингва франка в империи, в которой никогда не заходило солнце, оттачивание его как языка юриспруденции в «Великой хартии вольности», Конституции США и Письмах федералистов, около двух столетий шлифовки сети категорий в словарях Н.Вебстера.

В XX веке такой шанс был и у русского языка, причем, по крайней мере, три раза – в начале века в модернизме и авангардизме в самых разных сферах культуры (литературе, живописи – ср. объединение «Мир искусства», балете – «Русские сезоны» в Париже, политике – в русской революции), в середине века (после победы во Второй мировой войне, во времена расцвета точных наук и техники, включая космонавтику и ядерную энергетику) и в конце века (после падения тоталитаризма, деидеологизации и провозглашения ценностей открытого общества). Однако, первая попытка была сорвана становлением тоталитарного режима с его изоляционизмом, вторая – холодной войной и опусканием железного занавеса, а третья – общим нестроением, вследствие которого не удается достигнуть общенационального консенсуса.

Проявлением последнего является и история попытки создания русскоязычного междисциплинарного словаря-тезауруса начала XXI. Идея его состояла в следующем.

XX век в России ознаменовался стечением следующих обстоятельств.

Начало XX века дало последнее поколение превосходно образованной интеллигенции (значительная часть которых негласно продолжали быть практикующими верующими), которое вносило заметный вклад в интеллектуальную жизнь страны до 70-ых гг. (порою – в виду ограничений на получение высшего образования и занятия ответственных должностей социально чуждыми элементами – на самых низких должностях – лаборантов, секретарей, библиотекарей и т.д.).

С 20-ых гг. на протяжении семидесяти лет все граждане СССР подвергались принудительному обучению марксистско-ленинской философии. Это, по-видимому, единственный случай в истории, когда в качестве государственной идеологии выступала философия, что влияло на строй всей интеллектуальной жизни (притом, что характер фактического влияния этого никогда не был предметом целенаправленных исследований).

Хрущевская оттепель и последующее смягчение политического режима, всё более погружавшегося с точки зрения канонического марксизма в ревизионизм дала три десятилетия развития диссидентской мысли в самых разнообразных сферах профессиональной деятельности (включая и философию), нашедшей свое выражение в так называемом семинарском движении, одним из лидеров которого был Г.П.Щедровицкий.

На этом фоне с середины XX века значительные средства были вложены в естественнонаучное и техническое образование, как и в осуществление научно-технической деятельности (в СССР было сосредоточена четверть научных работников Мира и более половины инженеров; при этом этот потенциал не был востребован полностью).

Наконец в виду существования железного занавеса и плохого знания иностранных языков, накопленные знания были сконцентрированы в русскоязычных текстах и русскоязычном сознании.

Представляется очень важным зафиксировать этот накопленный беспрецедентный опыт, тем более, что категориальная сетка до сих пор задаваемая «Энциклопедией» Д.Дидро и Ж.Л.д'Аламбера, представляется несколько анахроничной в виду того, что она не учитывает складывания междисциплинарных областей деятельности.

Описанное положение делает привлекательной идею создания указанного словаря. Была описана его концепция, подобран костяк авторов и редакторов разделов, написаны пробные статьи, оценены трудозатраты. Специалисты Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов сделали смету стоимости работ по

созданию такого словаря. Она была оценена примерно в миллион долларов (без учета стоимости полиграфии) при выполнении работы за 4 года – 5 лет. Но найти средств на такую работу – государственных, частных, смешанных, отечественных, зарубежных – не удалось. Вместе с тем, осуществление такой работы дало бы шанс стать русскому языку лет на 200-250 определяющим человеческой мысли подобно тому, как это произошло в результате создания «Энциклопедии» Д.Дидро и Ж.Л.д'Аламбера. На шанс упущен и проделанная работа расходится по разным трудам – энциклопедии «Теоретическая культурология», отдельным сборникам статей, Википедии и т.д.

Очевидна и та оценка, которую можно дать с учётом сказанного поощрению публикации отечественных ученых в иностранных изданиях. Конечно, такие публикации из меркантильных соображений могут быть полезны (и даже спасительны) для отдельных учёных (в особенности молодых) и даже лабораторий и учреждений (вплоть до министерств). Однако, для отечественной науки в целом это будет средством закрепить за ней лейбл аутсайдера ещё на несколько десятилетий...